



Научная статья
УДК 316.776
DOI 10.47475/2070-0695-2023-50-4-102-111

СИСТЕМА ОБРАЗОВ МЕМОРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА АРКАИМ КАК ФАКТОР ЕГО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Андрей Владимирович Сафонов¹, Ирина Владимировна Топчий²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ mihbig@mail.ru

² ivtopchiy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8601-9041>

Аннотация. Сформулировав цель исследования как изучение специфики системы образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в качестве фактора его популяризации, авторы статьи последовательно идут к ее реализации. Исследование, результаты которого представлены в статье, обладают теоретической значимостью: убедительно показано, что меморативный ландшафт можно рассматривать как самодостаточный медиатекст; выделено такое качество меморативного ландшафта, как медиатекст с выраженными чертами литературности; отмечено, что одним из ключевых факторов литературности медиатекста является система образов. Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе анализа глубинных интервью с акторами меморативного ландшафта сформирована система образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в качестве фактора его популяризации.

Основными методами исследования стали глубинные интервью с акторами меморативного ландшафта Аркаима, их анализ и научная интерпретация контента; метод насыщенного описания Клиффорда Гирца. В качестве базы исследования выступили элементы меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в интерпретации 23 акторов (сотрудники и гости археологического памятника).

Авторы статьи рассматривают меморативный ландшафт археологического памятника Аркаим как медиаэстетический феномен с выраженными элементами литературности, которую можно рассматривать через сложившуюся в его локации систему образов.

Подводя итоги проведенной работы, авторами исследования выделены элементы системы образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим и сформулированы представления об образах представления прошлого. Выявленная специфика меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим создает объективные сложности в процессе его публичной презентации на платформах традиционных и новых медиа.

Ключевые слова: меморативный ландшафт, образ, система образов, Аркаим, археологический памятник, место памяти, культурный ландшафт.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (совместно с органами власти Челябинской области) № 23-18-20098, <https://rscf.ru/project/23-18-20098>, проект «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)»

Для цитирования: Сафонов А. В., Топчий И. В. Система образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим как фактор его популяризации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4 (50). С. 102–111. doi: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-102-111

Original article

SYSTEM OF IMAGES OF THE MEMORATIVE LANDSCAPE
OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENT ARKAIM AS A FACTOR OF ITS POPULARIZATION

Andrey V. Safonov¹, Irina V. Topchii²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ mihbig@mail.ru

² ivtopchii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8601-9041>

Abstract. Having formulated the purpose of the study as studying the specifics of the system of images of the memorial landscape of the archaeological site Arkaim as a factor in its popularization, the authors of the article consistently move towards its implementation. The research, the results of which are presented in the article, has theoretical significance: it convincingly shows that the memorial landscape can be considered as a self-sufficient media text; the quality of the memorial landscape is highlighted as a media text with pronounced literary features; It is noted that one of the key factors in the literariness of a media text is the system of images. The practical significance of the study lies in the fact that, based on the analysis of in-depth interviews with actors of the memorial landscape, a system of images of the memorial landscape of the archaeological site Arkaim was formed as a factor in its popularization. The main research methods were in-depth interviews with actors in the memorial landscape of Arkaim, their analysis and scientific interpretation of the content; Clifford Geertz's saturated description method. The basis for the study was the elements of the memorial landscape of the archaeological site Arkaim as interpreted by 23 actors (staff and guests of the archaeological site). The authors of the article consider the memorial landscape of the archaeological site Arkaim as a media-aesthetic phenomenon with pronounced elements of literature, which can be viewed through the system of images that has developed in its location. Summing up the results of the work, the authors of the study identified the elements of the system of images of the memorial landscape of the archaeological site Arkaim and formulated ideas about the images of the past. The identified specificity of the memorial landscape of the archaeological site Arkaim creates objective difficulties in the process of its public presentation on traditional and new media platforms.

Key words: memorial landscape, image, system of images, Arkaim, archaeological site, place of memory, cultural landscape.

Acknowledgments: The study was Supported by the Russian Science Foundation and Chelyabinsk region, № 23-18-20098, <https://rscf.ru/en/project/23-18-20098/>

For citation: Safonov A. V., Topchii I. V. (2023). System of images of the memorative landscape of the archaeological monument Arkaim as a factor of its popularization. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 4(50): 102–111. doi: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-102-111 (In Russ.).

Введение

Актуальность представленного исследования выражена в двух аспектах. Во-первых, в том, что тенденции медиасреды позволяют уточнять и одновременно расширять понятие медиатекста в соотнесении с категорией литературности и, соответственно, системой образов. Стремительная эволюция медиатекста от «вербального типа к ансамблевому» (Шестакова 2016: 111), предполагающему наличие аудиовизуальной составляющей, дает возможность увязывать понятие «литературность» с любым традиционным носителем медиаконтента, либо воспринимать данную категорию вне связи с какой бы то ни было медийной платформой. Феномен контента без носителя наглядно проявляется в меморативном ландшафте. Исследователи М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова под меморативным ландшафтом понимают «вид культурного ландшафта, который относится к сфере культуры памяти» (Вандышев, Веселкова, Прямикова 2022: 72). Фактически речь идет об объекте действительности, вокруг которого сформировалась и регулярно собирается аудитория, обладающая характерными для аудитории медиатекста свойствами расширения, сужения, обновления, относительной устойчивости и т. д. Соответственно, и меморативный ландшафт, на наш взгляд, обладает выраженными чертами медийности. Среди этих черт наш особый интерес вызывает система образов, позволяющая отдельным актерам (или категориям акторов) считывать в меморативном ландшафте актуальные для них смыслы. Акторами мы вслед за М. Н. Вандышевым, Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой (Вандышев, Веселкова, Прямикова 2022) называем людей, осуществляющих в определенной локации разного рода меморативные практики. В рассматриваемом нами контексте такая трактовка понятия «актер» синонимична современным представлениям об авторе, фактически растворившемся в аудитории. То есть, каждый представитель аудитории является и автором, и «читателем» текста, создаваемого в собственном сознании на основе предметов и явлений окружающей действительности, в пространстве которой он либо сам обретает черты героя, либо наделяет такими чертами субъекта, соотносимого с воспринимаемой действительностью. Детали осуществления этого процесса в границах меморативного ландшафта, на наш взгляд, нуждаются в уточнении.

Второй аспект актуальности темы касается содержания понятия «меморативный ландшафт», а именно принципов его популяризации, например, в просветительских целях. Возникает проблема поиска эффективных инструментов решения этой задачи. Отчасти функции такого инструментария заложены в самой системе образов меморативного ландшафта.

Объект исследования – система образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим, воспринимаемая его актерами.

Предмет исследования – популяризационный потенциал системы образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим.

Цель исследования – изучить специфику системы образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в качестве фактора его популяризации.

Задачи исследования:

1) изучить актуальные теоретические подходы, дающие основания рассматривать меморативный ландшафт в качестве самодостаточного медиатекста;

2) изучить теоретические основы рассмотрения меморативного ландшафта как медиатекста с выраженными чертами литературности;

3) изучить теоретическую базу, дающую основания рассматривать наличие системы образов в качестве одного из ключевых факторов литературности медиатекста;

4) проанализировать содержание глубинных интервью с актерами меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим как отражение воспринимаемой ими системы образов данного ландшафта;

5) рассмотреть систему образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в качестве фактора его популяризации.

Теоретико-методологическая основа статьи представлена междисциплинарным подходом, выраженным в интерпретации и синтезе культурологических, литературоведческих и медиаэстетических трактовок категорий «литературность», «система образов», «медиатекст». Соотнесение категории литературности с медиатекстом рассмотрено с опорой на исследование Э. Г. Шестаковой (Шестакова 2016), которая систематизирует и интерпретирует опыт научных изысканий в данной сфере. Культурологический контекст современных трендов медиатекстуальности описан в трудах М. Маклюэна (Маклюэн 2022), Р. Барта (Барт 1989), а также в воззрениях Ж. Деррида (Антропова 2022). Актуальная для нас дифференциация понятий «изображение» и «образ» представлена в работах В. И. Конькова (Коньков 2020) и С. И. Симаковой (Симакова 2021). Категории исторической, коллективной, коммуникативной и культурной памяти (их проявления рассматриваются нами как фактор концептуализации, в том числе через образы, элементов действительности) раскрыты в трудах М. Хальбвакса (Хальбвакс 2005), Я. Ассмана (Ассман 2004), Л. Б. Зубановой (Зубанова 2023). Понятия «места памяти», «меморативный ландшафт» раскрываются в трудах целого ряда исследователей, в том числе в исследованиях В. А. Садым и К. Б. Садым (Садым, Садым 2021), И. В. Леонова и И. В. Кириллова (Леонов, Кириллов 2021), М. В. Загидуллиной (Загидуллина 2023), Н. В. Веселковой (Веселкова 2022; Веселкова, Прямикова 2022), Т. А. Ладыгиной (Ладыгина 2023).

В качестве основных методов исследования используются: интервью с актерами меморативного ландшафта Аркаима, анализ и научная интерпретация контента проведенных интервью в аспекте восприятия актерами системы образов меморативного ландшафта. Ключевым критерием анализа контента интервью являлось упоминание актером природного или искусственного объекта меморативного ландшафта в качестве либо отдельного образа, либо элемента системы образов. Также в исследовании применялся метод насыщенного описания Клиффорда Гирца.

Материалом исследования послужили элементы меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в интерпретации 23 акторов (включая сотрудников музея, продавцов торговых точек, владельцев кафе и гостиниц, организаторов и участников историко-культурных мероприятий, а также меморативных, медитативных и оккультных практик), с которыми были проведены глубинные интервью.

Теоретические аспекты медиаэстетической природы меморативного ландшафта

Расширение трактовки понятия «текст» позволяет решить ряд задач, связанных с изучением в медиакоммуникационном пространстве актуальных тенденций субъектно-объектных отношений, отношений между адресантом сообщения и адресатом. Нам также важно проследить логику этого расширения, основанную на фундаментальных научных трудах середины XX века и современных исследованиях. Это позволит глубже понять медиаэстетическую сущность Аркаима.

Традиционная модель взаимодействия адресанта и адресата выстраивается следующим образом. Автор текста – адресант и субъект медийной деятельности. Фрагмент реальности, составляющий впоследствии содержание медиатекста – объект авторского внимания. Аудитория – адресат и объект авторского медийного воздействия. Схематично это выглядит так:

автор – зафиксированный в тексте фрагмент реальности – аудитория.

Если под влиянием Р. Барта мы уберем из схемы автора (Барт 1989), получим следующее:

зафиксированный в тексте фрагмент реальности – аудитория.

Р. Барт, «умертвив» автора, наделил субъектностью читателя (в нашей терминологии – представителя аудитории). То есть, корректнее схему будет представить так:

аудитория – зафиксированный в тексте фрагмент реальности.

Скорректировав таким образом схему, мы признаем, что каждый представитель аудитории – субъект творчества, преобразующий (трактующий) текст с зафиксированным в нем фрагментом реальности. Текст и фрагмент реальности, соответственно, являются объектом интеллектуального / эмоционального воздействия каждого представителя аудитории. Целью подобного воздействия является обретение смысла / переживание эмоции. Адресат – все тот же субъект творчества, то есть представитель аудитории. Следовательно, получаем схему:

аудитория – зафиксированный в тексте фрагмент реальности – аудитория.

По сути, представитель аудитории посредством зафиксированного в тексте фрагмента реальности как субъект творчества соприкасается с разными гранями своей личности. На уровне бессознательного вслед за К. Г. Юнгом (Юнг 2019) эти грани можно назвать субличностью. В сфере сознательного можем предположить, что речь идет о разных аспектах коммуникативной либо культурной памяти в трактовке Яна Ассмана (Ассман 2004). Так или иначе, это дает нам возможность утверждать, что в современной коммуникационной среде текст с зафиксированным в нем фрагментом реальности выполняет функции медиа (посредника) не столько между автором и аудиторией, не только между представителями аудитории, но и между разными аспектами личности каждого ее представителя.

С учетом эволюции медиатекста «от вербального типа к ансамблевому» (Шестакова 2016: 111), подразумевающему наличие, помимо вербальной, еще и аудиовизуальной составляющей, трендов панмедиатизации и «заката вербальной коммуникации» (Загидуллина 2019) рассматриваемую нами схему можно оптимизировать, убрав из нее текст как продукт письма или печати:

аудитория – фрагмент реальности – аудитория.

То есть, вслед за автором умирает и сам текст в его традиционном понимании, что в духе символического обмена (Бодрийар) приводит к торжеству формулы Ж. Деррида «все есть текст» (цитируется по Антропова 2022). Иными словами, фрагмент реальности, по сути, и есть медиатекст. В рамках нашего исследования в качестве фрагмента реальности рассматривается меморативный ландшафт заповедника Аркаим. Исследователи выделяют ряд свойств меморативного ландшафта, среди которых для нас имеет значение локализация его элементов в определенном пространстве, создаваемом практиками и перемещениями людей (Вандышев, Веселкова, Прямикова 2022). На наш взгляд, приведенная выше цепочка рассуждений позволяет рассматривать меморативный ландшафт археологического памятника Аркаим в качестве медиаэстетического феномена с выраженными элементами литературности. В современной культурной матрице он не только объект внимания журналистов и пользователей социальных сетей, но и вполне самодостаточный транслятор уже существующего и генератор нового контента. Это дает основание рассмотреть проявление феномена литературности в меморативном ландшафте Аркаима через сложившуюся в его локации систему образов.

Специфика «литературности» меморативного ландшафта

Необходимость рассмотрения медиатекста с позиции литературоведения обосновывает Э. Г. Шестакова. Она отмечает, что «медиатекст в силу своей своеобразной природы и функций не может не принадлежать и не развиваться в пространстве литературы» (Шестакова 2016: 109), которая противостоит «всему, что не есть она сама, например, стихийному экстатическому «вещанию» пророков, а также культу, обряду, быту и вообще «жизни» (здесь исследователь цитирует высказывание о литературе С. С. Аверинцева). Э. Г. Шестакова выделяет следующие черты сходства медиатекста с литературным: а) целостная, ансамблевая природа; б) внутренняя сложность и семантический объем; в) одновременная максимальная развернутость к жизни и нетождественность, противостояние ей, что дает основание отнести медиатекст «к сфере действия законов, норм словесно-культурного пространства и процесса» (Шестакова 2016: 110).

В числе отличий медиатекста от литературного Э. Г. Шестакова выделяет его ансамблевую (вербально-аудио-визуальную), полиинтенциональную природу, подчеркивая, что это «не может быть основой для исключения его из сферы действия литературоведения», давно исследующего различные типы текстов, «которые не всегда укладываются в однозначно вербальную систему существования» – от драматического искусства Античности до современных рекламных текстов (Шестакова 2016: 110).

Опираясь на опыт изучения фундаментальной проблемы литература / действительность, Э. Г. Шестакова приходит к следующему выводу: «Художественноцентричное литературное пространство нацелено на слово-Логос, в центре другого, появившегося и укрепившегося массмедийностью, – История, Повседневность и Факт» (Шестакова 2016: 112). По мнению ученого, это не исключает возможности исследовать медиатекст в миметическом ракурсе, характерном для литературоведения, то есть, через взаимодействие слова, образа и действительности. Э. Г. Шестакова акцентирует внимание на том, что медиатекст и медиаслово, несмотря на постулированное для них требование к объективности, по сути, является не копированием действительности, а подражанием ей. Со ссылкой на целый ряд научных трудов исследователь констатирует размежевание понятий «художественность» и «литературность», а также «становление и развитие корпуса не-художественной словесности, среди которого, безусловно,

доминирует словесность массовой коммуникации» (Шестакова 2016: 111). Она отмечает также, что в науке постоянно подчеркивается и обосновывается крайняя относительность границ между художественными и не-художественными типами литературы (Шестакова 2016). Таким образом, «медиатекст и медиаслово, которые используют весь спектр возможностей, открытий, смысловых, психологических нюансов художественного, эстетического <...> нуждаются в исследовании с позиции литературоведения <...> В эстетическом существенном моментом выступает чувственное восприятие, которое присуще медиатекстам» (Шестакова 2016: 112). Э. Г. Шестакова цитирует А. Ф. Лосева, который под эстетическим понимал «внутреннюю жизнь предмета, которая обязательно дана и внешне <...> открывается бескорыстному любованию и обладает созерцательной цельностью» (Лосев 1992: 311). Для нас эти констатации значимы тем, что позволяют сделать следующие выводы:

- а) не все, что имеет отношение к литературе и литературности – художественно;
- б) не все художественно, что эстетически состоятельно;
- в) как правило, то, что эстетически состоятельно – цельно;
- г) все цельное представляет собой систему, в нашем случае, систему нехудожественных образов.

Рассматривая пространство археологического памятника в аспекте литературности, мы сталкиваемся с проблемой, связанной с самим значением понятия «литература», в основе которого латинский корень «литера» (буква). То есть, в строгом смысле, литературой может быть лишь то, что состоит из букв. Тем не менее, попытаемся взглянуть на феномен литературности медиатекста несколько шире. Здесь мы можем оттолкнуться от концепции глобальной деревни М. Маклюэна, хотя она антилитературна по своей сути.

М. Маклюэн видит в актуальном для современной культуры медиаэстетическом акте явление постпечатной эпохи, которое своим акцентом на аудиовизуальной составляющей рифмуется с обрядовыми практиками дописьменного периода (Маклюэн 2022), не имеющими к литературе отношения. Вместе с тем, на наш взгляд, разница между дописьменной родоплеменной деревней и глобальной деревней М. Маклюэна достаточно значима. Она заключается в том, что вторая «отягощена» опытом письменного и печатного осмысления реальности, то есть, опытом литературности, когнитивное наследие которого в обозримой исторической перспективе никуда не исчезнет, даже если и утратит характер мейнстрима. На это указывают несколько обстоятельств.

Во-первых, мировосприятие наших современников и соотечественников среднего и старшего возраста сформировалось в литературоцентричной парадигме, которую именно для русской культуры принято считать наиболее характерной. Соответственно, любой современный «обряд» (будь то типичная бытовая ситуация, акт политического действия, духовная практика, высказываемые вслух размышления и т. д.) считывается как знаковая система, выстроенная по модели литературного текста с завязкой, кульминацией, развязкой, системой образов и метафорикой, отсылающими к клишированным сюжетам или другим литературным аналогиям.

Во-вторых, культурные коды и другие текстовые прецеденты, являющиеся распространенным средством коммуникации в медиаэстетизированной реальности, имеют либо непосредственную литературную основу, либо связаны с аудиовизуальными произведениями, созданными на основе сценариев, литературных или прочих текстов как традиционных, так и новых медиа. То есть, визуальная составляющая современных транслируемых с помощью электричества обрядов – производная все тех же печатных исходников, контента мессенджеров или других текстовых носителей. При этом новые медиа, в частности, мем-культура, демонстрируют, что текст по-прежнему является смыслообразующим элементом медиакоммуникационного продукта, и этот его функционал воспроизводится в медиатекстах, ориентированных на разные возрастные группы, включая молодежь.

В-третьих, интервью посетителей и других акторов Аркаима показывают, что большинство из них намерены поделиться впечатлениями от поездки, как минимум, с друзьями, как максимум – с аудиторией собственных аккаунтов в социальных сетях, предусматривая для своих постов более или менее развернутое текстовое сопровождение. То же можно сказать и об официальных ресурсах центра Аркаим. А это позволяет предположить, что воспринимаемые элементы меморативного ландшафта не просто упорядочиваются в сознании акторов в определенной знаковой системе, но и стилизуются в соответствии с усвоенными со школьных лет канонами литературности (невольно подбираются слова, наиболее наглядно передающие увиденное, словесные повторы устраняются с помощью синонимов и т. д.). Разумеется, степень соответствия канонам зависит от уровня вовлеченности актора в пространство литературы. Однако есть основания полагать, что литературоцентричное восприятие действительности в той или иной мере присуще значительной части наших современников.

В-четвертых, вопреки распространенным представлениям о внетекстовом характере современной молодежной культуры (она же в нашем восприятии – культура будущего), достаточное количество подростков и молодых людей являются потребителями объемных текстов, которые по ряду признаков можно отнести к массовой литературе. Юный любитель популярной мультипликации, восприняв

аудиовизуальный контент, идет покупать печатный том литературного исходника, воспроизводя тем самым запрос на наследие Гутенберга. И книга – не только элемент мерча (атрибут погружения в пространство эстетики, схожего с дописьменным обрядом). Будучи прочитанной, она упорядочивает, декодирует сложные переплетения сюжета аудиовизуального продукта, восприятие которого по отношению к чтению нередко является первичным.

В-пятых, понятие литературности связано с обращением к ценностно-мировоззренческим основам бытия человека. Причем, в отечественной словесной традиции постижение оппозиций жизнь / смерть, человеческая воля / судьба, смысл / бессмысленность существования и т. д. нередко производится через элементы ландшафта, в той или иной степени обладающие меморативными свойствами. Причем, меморативный характер данных элементов обусловлен связью как с исторической и коллективной памятью в трактовке М. Хальбвакса, так и с культурной памятью в понимании Я. Ассмана. Под исторической памятью М. Хальбвакс понимал совокупность фактов, зафиксированных профессионалами-историками, под коллективной – непрерывную ткань живой памяти, естественно творимую участниками социума во взаимодействии друг с другом (Хальбвакс 2005). На наш взгляд, термин «коллективная память» М. Хальбвакса близок по содержанию к термину «коммуникативная память» Я. Ассмана, выражающему процесс сохранения воспоминания о событии несколькими поколениями современников, коммуницирующих между собой. Таким образом, пространство коммуникативной памяти по Я. Ассману составляет 40–80 лет, тогда как культурная память в концепции исследователя предполагает обращение к далекому прошлому (Ассман 2004).

Система образов меморативного ландшафта Аркаима в восприятии его акторов

Рассмотрим в актуальном медиаэстетическом контексте содержание понятий «образ» и «система образов». В. И. Коньков, систематизировав работы исследователей, выделяет несколько трактовок категории образа (Коньков 2020). Литературоведческая дана с опорой на статью В. В. Кожина и И. Б. Роднянской. Данная трактовка рассматривает образ-характер и образ произведения в целом как результат проявления двух факторов:

- а) наличие изображения «куска жизни», то есть, «действия»;
- б) преломление изображаемых событий в фабульном времени, что позволяет им совмещаться и отражаться друг от друга.

С эстетической точки зрения образ, по словам Ю. Б. Борева, форма художественного мышления, обладающая следующими особенностями: метафоричность, ассоциативность, многозначность, недосказанность, типизация и др. (В. И. Коньков). С философской позиции, обозначенной еще Платоном, «в основе образа лежит изображение, воплощающее в себе какую-то идею» (Коньков 2020: 38). Сам же В. И. Коньков, развивая вслед за Н. Д. Арутюновой лингвистическую трактовку категории образа, констатирует, «что под изображением мы понимаем наглядное представление об изображаемой действительности (человек, его жилище, мир живой и неживой природы и т. д.). Основное изобразительное средство – слова с предметным значением, идентифицирующая лексика. Изображение получает статус образа тогда, когда создается как воплощение какой-то идеи. Эта идея словесно не выражена, а извлекается читателем из текста на основе самого характера изображения. Образ не допускает однозначного истолкования. Сам характер предметного значения способствует концептуализации смысла» (Коньков 2020: 39).

Опираясь на представленное разграничение понятий «изображение» и «образ» в контексте содержания интервью акторов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим, можно констатировать следующее. Элементы меморативного ландшафта – и каждый в отдельности, и как система – воспринимаются акторами в качестве образов как единиц концептуализированных смыслов (и системы образов как пространства смыслов) до тех пор, пока воплощаемые ими идеи не выражены словесно. Именно отсутствие вербальной расшифровки идеи, которую воплощает собой фрагмент меморативного ландшафта либо ландшафт в целом, в момент восприятия его реципиентом обуславливает эмоциональную чистоту и силу данного восприятия.

Позволим себе предположить, что вербальная конкретизация идеи, воплощаемой изображением, далеко не всегда приводит к утрате им статуса образа. Устойчивость статуса обусловлена присущей образу многозначностью и возможностью бесчисленного количества трактовок, каждую из которых реципиент адаптирует под актуальную для себя ситуацию. Специфика образа как философской, литературоведческой, лингвистической, эстетической и медиаэстетической категории дает основания в разных контекстах воспринимать его в качестве пространства исторической, коммуникативной и культурной памяти, влияющего на самоидентификацию личности. «Образ – категория когнитивная, это смысловая самодостаточная структура, которая может жить вне привязки к конкретным координатам социального пространства-времени» (Коньков 2020: 40). Однако можем предположить, что за рамками социального привязка к «воскрешаемым» (в трактовке Я. Ассмана) событиям прошлого наделяет образ способностью генерировать в своем пространстве эмоционально насыщенные ценностно-смысловые поля в виде мифов или вызывать ассоциации, связанные с конкретными историческими фактами.

В пространстве Аркаима один и тот же элемент ландшафта (природного или рукотворного) разными акторами трактуется с позиции исторической, коллективной (коммуникативной) и культурной памяти. Но нередко один и тот же актер воспринимает ландшафтный элемент или ландшафт в целом сразу с двух или трех позиций.

Природный ландшафт – сосредоточие метафор. Степь – череда волн разных цветовых оттенков, создаваемых видом растений, рельефом, солнечными бликами в реке, дымкой тумана, линией горизонта, облаками. Пейзаж скуден и при этом в фотографическом смысле ритмичен (цветовые оттенки степи, реки, линии горизонта и облаков сменяют друг друга). Сочетание этих двух пейзажных свойств располагает к медитации. В пейзаже нет ничего отвлекающего от погружения вглубь собственного сознания. В то же время, цветовые волны воспринимаются как отдельные пространства, сложные сочетания которых способны генерировать различные ассоциативные ряды.

Помимо визуальных образов, сосредоточенных в пространстве Аркаима, целые их системы формируются в рассказах и отдельных репликах посетителей.

27 мая 2023 года. 7 часов 15 минут. Участок аллеи каменных сооружений на плотине возле реки.

– Здравствуйте, – женщина лет 35 с густыми длинными волосами, собранными кверху, поднялась на аллею по лестнице. Одеты в бежевую длинную кофту темного оттенка, джинсы, со светло-бежевой тряпичной сумкой через левое плечо. В голосе что-то отрешенное. Подходит к краю аллеи, секунд 15 смотрит в сторону городища. Поворачивается.

– Мы приезжали сюда десять лет назад, здесь все изменилось. А как называется эта гора? – указывает медленным движением руки.

– Шаманка.

– А эта? – секунды через три указывает в другую сторону.

– Гора Любви. Но на нее попасть нельзя, мост снесло паводком.

– А как по-другому можно на нее попасть?

– Не знаю.

– Десять лет назад на нее тоже очень трудно было попасть. Мы приезжали сюда с мужем и ребенком. Встретили женщину. Она говорит мне: «Тебе нужно подняться на гору Любви». Я зло посмотрела на нее: «Хорошо, поднимусь». На следующий день снова встречаем ее: «Тебе обязательно нужно подняться на гору Любви». «Хорошо». Встречаем ее в третий раз, она повторяет: «Тебе обязательно нужно подняться на гору Любви». И вот мы поднимаемся с мужем и маленьким сыном. Дороги нет, подниматься трудно... Когда поднялись, видим – на вершине сидит эта женщина. Говорит мне: «Видишь, ты поднималась по трудной дороге, а рядом была хорошая». Я всегда вспоминаю эту женщину.

В данном интервью-беседе мы видим пример того, как обычный человек в абсолютно реальной ситуации становится героем насыщенного образной символикой сюжета. Постараемся понять, как это происходит. Посетительница Аркаима предваряет свой рассказ созерцанием пространства городища эпохи бронзы. Тем самым она, осознанно или нет, коммуницирует с прошлым – не только с прошлым человечества (ассоциативный ряд, связанный со словом «Аркаим», это предполагает), но и со своим личным прошлым. Личное гармонично сливается с общечеловеческим через топоним «гора Любви», который, в свою очередь, является точкой соприкосновения времен: 1) эпохи бронзы (она присутствует слабо выраженным историческим фоном); 2) событиями десятилетней давности, участниками которых были посетительница и ее семья; 3) настоящим временем. Восхождение – проявление мотива инициации главной героини сюжета как хранительницы семьи. Развязка истории – ценностно-смысловое ядро, жизненная мудрость, заключающаяся в том, что во имя близких нужно быть внимательней к миру. Разумеется, это не единственно возможное толкование. Но для нас значимо, что те или иные трактовки рождаются, следовательно, генерирующий их контекст эстетически состоятелен. Источник эстетизации контекста – система образов, формирующаяся на пересечении нескольких хронотопов: пространством, где рассказывается история, пространством самой истории и рифмой этих пространств. Концептуальный финал рассказа и тональность изложения (с мотивом отрешенности, но при этом абсолютно естественная) завершают данную эстетическую конструкцию.

Встреча восхода солнца и рассказ о восхождении на гору Любви – медиатизированные проявления традиционной эстетики, предполагающей образно-стилистическую цельность. Но чаще всего микросюжеты в пространстве Аркаима – синтез разных дискурсов и образов, сочетание бытового и возвышенного, подчеркнуто предметного и символического. Однако даже такая эклектика гармонируется системой образов заповедника, константами которой являются природный ландшафт, история, а также совокупность легенд и мифов.

27 мая 2023 года 10 часов 43 минуты.

В начале аллеи каменных сооружений у подножия горы Шаманка женщина лет 70 идет с двумя девушками лет 20 23-х. Голос женщины:

Система образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим...

– ...она говорит, что родить – это легче, чем зуб вырвать.
– Смотри какой зуб, – отвечает одна из девушек.
– Да, – соглашается пожилая, – некоторые зубы в три приема не вырвешь. Но она говорит, что родила так... Вот этот лес у подножия горы Любви называется Пьяная роцца.
– Вы откуда? – вопрос исследователя.
– Они – Москва, я – Магнитка, – отвечает пожилая собеседница. – Только за позапрошлый год приезжала сюда семь раз. Здесь понимаешь, что важно быть не богаче, а душевнее. Это понимаешь с возрастом, когда остаешься один, к сожалению... А тут племяшки на два дня приехали и говорят: «Поехали на Аркаим».
– Вы им об Аркаиме рассказали?
– Не-ет, они сами. Они же сейчас в Интернете и они у меня по археологии. А мне археология не близка. Не люблю, когда много туристов. В позапрошлом году было мало людей... Не заказываю экскурсии. Люблю, когда просто знающий человек рассказывает, для чего это сделано, – указывает на фигурки каменных сооружений. – Память [о прошлом] надо сохранять. У меня Аннушка (та, что в темных очках) вышла из круга [выложенная из камней спираль для духовных практик]. Я ее обратно загнала в круг. Круг – это жизнь, его нужно пройти полностью. Разорвать его может только Всевышний.

Показательно, что слова о необходимости помнить прошлое мгновенно вызывают воспоминания пожилой женщины о том, как «Аннушка вышла из круга», который с ее точки зрения олицетворяет жизнь. Круг – многозначный символ. Это и метафора солнца, и воплощение самости (в классификации архетипов К. Г. Юнга). Круг также метафора времени: одна из распространенных на Аркаиме практик – движение по каменной спирали сначала против часовой, а затем по часовой стрелке. И для религиозного, и для медиаэстетизированного, и для обыденного сознания это легко считываемая метафора поворота времени вспять, к истокам жизни.

С позиции медиаэстетики данный фрагмент разговора интересен тем, что показывает, как наличие в содержании текста беседы символически емкого образного ряда преобразует даже случайные иронично-бытовые элементы высказывания в значимую часть ценностно-концептуальной конструкции. Начало разговора: «...она говорит, что родить – это легче, чем зуб вырвать», финал: «Круг – это жизнь, его нужно пройти полностью. Разорвать его может только Всевышний».

Иллюстрацией наслоения дискурсов, сгенерированных элементом системы образов меморативного ландшафта, является монолог «проводящего, мастера духовных практик», содержащий одну из трактовок значения спирали.

9 сентября 2023 года, 6 часов 37 минут, вершина горы Шаманка.

– Провожатые, с которыми я обычно хожу и считаю их своими учителями, говорят, что спираль – это «от ума и до ума» [нечто умозрительное] Человек же может черпать энергию в любом месте. Но спираль помогает обнулиться. Когда идешь от края к центру, ты расстаешься со всем прежним: с прежними переживаниями, желаниями. Спираль перешагивать нельзя, идите в том темпе, в котором вам комфортно, даже если сзади кто-нибудь идет – на Аркаиме все неспешно. В центре спирали происходит обнуление. Снизу, из земли, проходит энергия. Она темная и холодная – женская. Проходит через вас и уходит к солнцу. От солнца к вам поступает энергия. Она проходит через вас и все темное уносит в землю. Так эти энергии циркулируют в вас, пока вы в центре. И когда вы из центра идете по спирали, вы концентрируетесь на благодарности и своем желании, в деталях представляете его осуществление. Вот ты хочешь замуж, да? [обращается к участнице духовной практики]. Представь в деталях, как это осуществится. Желание осуществится тогда, когда сознание готово его принять. Если сознание не готово, то и желание не сбудется. Вот, например, бани, которые люди посещают ради достатка и изобилия. Они стоят 850 рублей в час. А человек говорит: «А можно подешевле?» Значит, он не готов к роскошной машине и так далее.

Трактовка значения круговой спирали «проводящим» представляет собой сочетание речевых прецедентов из бытовой, социальной, коммерческой, психологической, оккультной сфер, которые, в свою очередь, вызывают все новые, иногда совершенно неожиданные, воссоздаваемые в образах ассоциации, связанные символическим (либо иным) толкованием конкретного меморативного элемента. То есть, каждый из меморативных элементов может представлять собой целую систему образов, и все эти системы меморативного ландшафта в целом могут пересекаться, вступать в сложные взаимодействия в сознании реципиента, актора.

Выводы

По итогам анализа интервью с актерами и результатов насыщенного описания выявлены следующие элементы системы образов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим, определены их свойства и функции.

1. Круг, воплощенный:

а) в форме расположения жилищ городища Аркаим эпохи бронзы;

- б) в солнце как объекте внимания акторов;
 - в) в расположенных на вершинах гор спиралах, значение которых разными акторами трактуется по-разному.
2. Центр круга, олицетворяющий:
- а) сосредоточие энергий – земной и небесной;
 - б) обновление находящегося в центре;
 - в) источник исполнения желаний.
3. Вершины гор как окончание пути преодоления с целью:
- а) постижения, обретения смысла;
 - б) выздоровления: 1) физического (себя и близких); 2) духовного посредством веры в высшие силы (обращения к ним с просьбой / молитвой) или медитативных практик, направленных на погружение в себя, определение отношения к своему прошлому (стратегии разрыва / преемственности / прощения и т. д.).
4. Река как олицетворение разлома («тектонический разлом») / разрыва (прерывности), чем обусловлен выплеск обновляющей энергии.
5. Места, связанные с легендой о мнимых захоронениях (пещера Шаманки) или реконструкцией реальных (усыпальница Курган-Темир). Данные образы воплощают смерть как составляющую одной из базовых оппозиций человеческого бытия (жизнь / смерть), чем обеспечивается:
- а) сакрализация фрагмента меморативного ландшафта;
 - б) связь настоящего с прошлым и локального с глобальным.
6. Экспонаты расположенного на территории Аркаима музея и объекты, связанные с одной из прошлых эпох.
7. Объекты, связанные с историей меморизации, формирующие пространство коммуникативной памяти (городище как археологическое открытие; незавершенная плотина как воспоминание о нереализованных планах строительства водохранилища на месте археологического памятника и, соответственно, о спасении Аркаима).

Таким образом, прошлое в меморативном ландшафте Аркаима представлено в образах, выражающих категории 1) цикличности (круг, центр круга); 2) линейности (горы, вершины); 3) непрерывности времени / прерывности времен (соответственно, пункты 4, 5 и 6 перечня образов); 4) созидания и сохранения (пункт 7).

Особенности контента Аркаима как медиа обусловлены нюансами его формирования сначала в качестве научного археологического объекта, затем – еще и как пространства разного рода духовных практик. Именно этим обусловлен потенциал Аркаима в качестве цельного, сложного, содержательно многоуровневого и многоаспектного медиаэстетического феномена. Данная специфика меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим создает объективные сложности в процессе его публичной презентации на платформах традиционных и новых медиа.

Список источников

- Антропова В. В. Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: экспликация ценностей. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. 195 с. DOI 10.47475/9785727118504.
- Ассман Я. Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт ; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : КДУ, 2009. 389 с.
- Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 69–94.
- Веселкова Н. В. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : Сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Естественно-гуманитарный университет (г. Седльце, Польша). Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. С. 50–61.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 196–212. DOI 10.31857/S0869541522060112.
- Загидуллина М. В. К проблеме методов исследования меморативных ландшафтов как мест конструирования культурно-исторической памяти // Медиалингвистика : Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 июля 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2023. С. 510–514.
- Загидуллина М. В. Панмедиатизация: закат вербальной коммуникации: монография. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2019. 225 с.
- Зубанова Л. Б. Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 32–38.
- Коньков В. И. Изображение и образ в медийной среде // Медиасреда. 2020. № 17. С. 37–41.
- Ладыгина Т. А. Роль меморативных ландшафтов в формировании культурной памяти о защитниках Отечества // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 39–45.
- Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021, 4(42). С. 90–108.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. М. : Искусство, 1992. Кн. 1. 834 с.
- Маклоэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека читающего / Пер. Тюриной И. О. М. : Академический проект, 2022. 443 с.

Садым В. А., Садым К. Б. Историко-культурное наследие космонавтики на Кубани: «места памяти» и меморативные практики // *Наследие веков*. 2021. № 2. С. 35–53. DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.003.

Симакова С. И. Образ Аркаима в СМИ // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021. № 4(42). С. 158–167. DOI 10.47475/2070-0695-2021-10418.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

Шестакова Э. Г. Медиаслово и медиатекст: взгляд с теорритории литературоведения // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Выпуск 30. С. 109–114.

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. Чечино А. А. М.: АСТ, 2019. 552 с.

References

Antropova, V. V. (2022). *Kontseptosfera «dukhovnost'» v zhurnalisticheskoy diskurse: eksplikatsiya tseennostey* [Conceptosphere of “spirituality” in journalistic discourse: explication of values]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 195 p. DOI 10.47475/9785727118504. (In Russ.)

Assman, Y. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'ma, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* / Per. s nem. M. M. Sokol'skoy [Cultural memory: Letters, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity / Transl. with him. M. M. Sokolskaya]. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. (In Russ.)

Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Per. s fr. / R. Bart ; Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova* [Selected works: Semiotics. Poetics: Trans. from fr. / R. Bart; Comp., total. ed. and entry Art. G.K. Kosikova]. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.)

Baudrillard, J. (2009). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: KDU. 389 p. (In Russ.)

Vandysh, M. N., Veselkova, N. V. & Pryamikova, E. V. (2022). *Memorativnyy landschaft: kontseptsiya i opyt primeneniya* [Memorative landscape: concept and experience of application]. *Sotsiologiya vlasti*, T. 34, 1, 69–94. (In Russ.)

Veselkova, N. V. (2022). *Memorativnyy landschaft: opyt metodologicheskoy refleksii* [Memorative landscape: experience of methodological reflection]. *Memorativnye landschafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi : Sbornik nauchnykh trudov / Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina; Estestvenno-gumanitarnyy universitet (g. Sedl'tse, Pol'sha)*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 50–61. (In Russ.)

Veselkova, N. V. & Pryamikova, E. V. (2022). *Memorativnyy landschaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi* [Memorative landscape of a small town: configurations and layers]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, 196–212. DOI 10.31857/S0869541522060112. (In Russ.)

Zagidullina, M. V. (2023). *K probleme metodov issledovaniya memorativnykh landschaftov kak mest konstruirovaniya kul'turno-istoricheskoy pamyati* [On the problem of methods for studying memorial landscapes as places for constructing cultural and historical memory]. *Medialingvistika : Materialy dokladov uchastnikov VII Mezhdunarodnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 01 iyulya 2023 goda*. St. Petersburg: Mediapapir LLC, 510–514. (In Russ.)

Zagidullina, M. V. (2019). *Panmediatizatsiya: zakat verbal'noy kommunikatsii: monografiya* [Panmediatization: the decline of verbal communication: monograph]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House. 225 p. (In Russ.)

Zubanova, L. B. (2023). *Memorial'naya identichnost': mezhdum mestom pamyati i pamyat'yu mest* [Memorial identity: between the place of memory and the memory of places]. *Chelyabinskij gumanitarij*, 1 (62), 32–38. (In Russ.)

Konkov, V. I. (2020). *Izobrazhenie i obraz v mediynoy srede* [Image and image in the media environment]. *Mediasreda*, 17, 37–41. (In Russ.)

Ladygina, T. A. (2023). *Rol' memorativnykh landschaftov v formirovaniy kul'turnoy pamyati o zashchitnikakh Otechestva* [The role of memorial landscapes in the formation of cultural memory of the defenders of the Fatherland]. *Chelyabinskij gumanitarij*, 1 (62), 39–45. (In Russ.)

Leonov, I. V. & Kirillov, I. V. (2021). *«Prizrachnye derevni» v kul'turnoy pamyati Rossii* [“Ghost villages” in the cultural memory of Russia]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 4 (42), 90–108. (In Russ.)

Losev, A. F. (1992). *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: V 2 kn.* [History of ancient aesthetics. Results of a thousand years of development: In 2 books]. Moscow: Art. Book. 1. 834 p. (In Russ.)

McLuhan, M. (2022). *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka chitayushchego* [The Gutenberg Galaxy. The formation of a reading person / Transl. Tyurina I. O]. Moscow: Academic project. 443 p. (In Russ.)

Sady, V. A. & Sady, K. B. (2021). *Istoriko-kul'turnoe nasledie kosmonavtiki na Kubani: «mesta pamyati» i kommemorativnye praktiki* [Historical and cultural heritage of astronautics in Kuban: “places of memory” and commemorative practices]. *Nasledie vekov*, 2, 35–53. DOI: 10.36343/SB.2021.26.2.003. (In Russ.)

Simakova, S. I. (2021). *Obraz Arkaima v SMI* [The image of Arkaim in the media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4 (42), 158–167. DOI 10.47475/2070-0695-2021-10418. (In Russ.)

Halbwachs, M. (2005). *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and historical memory]. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow: New Literary Review, 16–50. (In Russ.)

Shestakova, E. G. (2016). *Mediaslovo i mediatext: vzglyad s teoritarii literaturovedeniya* [Media words and media text: a view from the theory of literary criticism]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 14 (235). Issue 30, 109–114. (In Russ.)

Jung, K. G. (2019). *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* / Per. Chechino A. A. [Archetypes and the collective unconscious / Transl. Chechino A. A.]. Moscow: AST. 552 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Сафонов – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории медиа

И. В. Топчий – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиапроизводства

Information about the authors

Andrey V. Safonov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Media Theory

Irina V. Topchii – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Media Production

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.08.2023, одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 24.09.2023.

The article was received by the editors on 12.08.2023, approved after review on 22.09.2023; accepted for publication on 24.09.2023.